

ствительности, исходил из самоуверенного представления о силе воздействия императорской администрации на экономические процессы⁶, не учитывал многообразие факторов (общих и местных), влияющих на уровень цен, даже в пределах ограниченного региона и короткого отрезка времени⁷, и поэтому неизбежно был обречен на провал, что и привело к отмене эдикта через несколько лет⁸.

Между тем, как явствует из преамбулы к эдикту (*praefatio*), сама императорская администрация отдавала себе отчет в сложности составления такого документа и в трудности его проведения в жизнь. Решение было принято после длительных колебаний, и побудительной причиной была не столько забота о всеобщем благе (*communis omnium salus*), сколько об армии, основной опоре власти в те кризисные для империи времена. Именно дислокация воинских частей на всей территории империи⁹ и необходимость удовлетворения потребности воинов, страдавших от неимоверного взвинчивания цен¹⁰, определили всеобщий характер эдикта. Как показали исследования последних лет, в особенности Ж. Бингена¹¹, эдикт не был мертворожденным продуктом бюрократического творчества. Ему предшествовала большая работа по сбору материала для составления «тарифа», устанавливавшего максимальные пределы цен на товары и трудовые услуги исходя из реального соотношения их различных видов¹². Но, сообщая о целях постановления, о максимальных ценах, о страшной каре, грозившей тем, кто посмел бы нарушить его предписания (*capitali periculo subiugetur*), эдикт не раскрывает конкретных путей его проведения в жизнь. В связи с этим большое значение приобретает изучение сохранившихся документальных данных, в частности тех, что относятся к Египту, от которого благодаря папирусным находкам до нас дошел до-

⁶ См., например: *Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1957. Vol. 1. P. 516*: «пагубная уверенность древнего мира во всеиллии государства»; *Giacchero M. Op. cit. P. 2*: «(эдикт) вписывался в харизматическое восприятие государственной власти. . . что свидетельствует о непоколебимой вере в принудительную силу закона по отношению к естественному и стихийному поведению экономической реальности».

⁷ О факторах, влияющих на ценообразование и об осторожности, которую необходимо соблюдать при рассмотрении сохранившихся данных о ценах, см. соображения Ж. Шварца, приведенные в кн.: *Физман И. Ф. Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 154, примеч. 58*; *Bagnall R. S. Currency. . . P. 3—5*. Кстати, и составители эдикта понимали зависимость цены от качества (сорта) и предусматривали градацию цен соответственно сорту (*forma, forma*).

⁸ Попытки регулировать и контролировать цены предпринимались и после Диоклетиана. См.: *Karayannopoulos J. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958. S. 219—220*, а также шкалу расценок рабов различных категорий и возрастов, которую следовало соблюдать при имущественных спорах: *Cod. Just. VII. 7, 1 (530 г.)*; *VI. 43, 3 (531 г.)*. См. подробнее: *Физман И. Ф. Египет на рубеже двух эпох: Ремесленники и ремесленный труд в IV—середине VII в. М., 1965. С. 47* (в ней приводится и соответствующая литература).

⁹ *Non per vicis modo aut per oppida sed in omni itinere.*

¹⁰ *Pretia venalia rerum non quadruplo aut octuplo sed iusta extorquere ut nomina < > estimatio nis et facti explicare humanae linguae ratio non possit.*

¹¹ *Bingen J. L'Edit du Maximum et les papyrus // Atti dell' XI Congresso Internazionale di Papirologia, Milano, 2—8 settembre 1965. Milano, 1966, P. 369—378.*

¹² Возможно, что вызвавший большую дискуссию Р. Антин. 1. 38 (перевзд. М. Манфреди—SB. X. 10257) (300 г.), предшествовавший по времени эдикту о ценах, был одним из подготовительных документов, как отметил М. Крауфорд (*Crawford M. Finance, Coinage and Money from the Severans to Constantine // ANKW. 1975. Bd. II. T. 2. P. 583. Not. 2*; *Schwartz J. Le commerce d'Alexandrie au début du 4ème siècle // Das römisch-byzantinische Ägypten. Mainz, 1983. P. 44. Not 19. Обзор последних работ о тексте см.: Bagnall R. S. Currency. . . P. 63.*